

Бытует мнение, что Сергей Есенин был далек от любых общественных движений. Меж тем в 1913 году восемнадцатилетний Есенин не только принимал участие в рабочих выступлениях и поддерживал позицию большевиков, но и находился под наблюдением полиции...

Дорогой Гриша!

Писать подробно не могу. Арестовано 8 человек товарищей за прошлые движения из солидарности к трамвайным рабочим. Много хлопот и приходится суетиться.

А ты пока пиши свое письмо, я подробно на него отвечу.

Любящий тебя

Сергея.

«...ХОЧУ Я БЫТЬ ПЕВЦОМ И ГРАЖДАНИНОМ»

Андрей МАЛЬГИН

своем доме. Пробыл 10 мин., вышел, вернулся домой.

В 9 час. 10 мин. веч. вышел из дому, пошел вторично в упомянутую лавку где торгует отец, пробыл 20 мин. то есть до 9 час. 30 мин. веч. Заперли лавку и в месте с отцом вернулись домой.

Грязнов
Веремчук
Угаров II

Я листаю пожелтевшую от времени тетрадку — дневник наружного наблюдения за Сергеем Есениным — в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве.

Филеры... Профессия малопочтенная. Филеры не могли не знать, что к ним с презрением относятся даже те, кто их нанимал. Свои агенты были у охранного отделения, у особого отдела департамента полиции, были они и в каждой полицейской части. Россия кишела филерами, шпионами, соглядатаями, провокаторами... «Господа в гороховых пальто» получали гроши (те, кто следил за Есениным, например, — по 65 копеек в день; учет расходов приложен тут же). Они были не шибко грамотны («пошол», «замечено не была»), звезд с неба не хватили. Впрочем, владеть определенной суммой навыков они должны были. Меткий, приметливый глаз. Умение слиться с местностью. Быстрые ноги — некоторые наблюдаемые были ой как скоры на ногу, за ними везде следовало поспевать (Маяковского, например, филеры наградили кличкой «Скорый»). А ведь если обнаружат филера, могут и тумачков надавать, а то и жизни лишит.

На каждой странице дневника — отчет о расходах. Возмещался проезд на трамвае или извозчике, стоимость выпитого по необходимости стаканчика вина в трактире, из которого виден интересующий филера дом, стоимость газеты, в которой якобы углубленный в чтение агент просверливал дырочку и опять же за нужным домом наблюдал... До 95 копеек в день выходило дополнительных трат...

Ноябрь, мороз лютый, снег под ногами трещит, от холода зуб на зуб не попадает. А он, наблюдаемый, сидит себе дома, в тепле, чай, поди, попивает и нужды не знает. А ты стой, подпрыгивая на студенном ветру, стереги его...

3 Ноября 1913 г.
От 9 час. утра до 2 час. дня выходил несколько раз из дому в Колониальную и Мясную Лавку Крылова в упомянутом доме где занимается его отец; в 2 час. 25 мин. дня вышли вместе с отцом из лавки пошли на квартиру.

В 3 час. 20 мин. дня вышел из дому «Набор» имея при себе сверток верш 7 длиной квадр. 4 вер. по-видимому посылка завернутый в холстину и перевязанный бичевкой, на Серпуховской ул. сел в трамвай, на Серпуховской Площ. пересел. Доехав до Красносельской ул. слез, пошел в дом № 13 по Краснопрудному пер. во двор во вторые ворота от фонаря домового № 13, где пробыл 1 час. 30 мин. Вышел без упомянутого свертка на Красно-

сельской ул., сел в трамвай, на Серпуховской площ. слез и вернулся домой. Более выхода до 10 час. веч. замечено не было.

Грязнов
Веремчук
Угаров II

Знали ли филеры, что «Набор» — то бишь Есенин Сергей Александрович, из крестьян Рязанской губернии, — поэт? Что вечерами темная фигура за освещенным окном второго этажа, подозрительно долго склонившаяся над столом, не листовки сочиняет, а стихи? Они не знали этого. Не знали главного...

Им куда важнее было отгадать, что это он такое злоумышленное в свертке своем в Краснопрудный переулок снес. Воззвание к новым забастовкам и прочим нарушениям общественного порядка? Украденные днем в типографии шрифты? Нелегальные газеты? А может — упаси господи — бомбу?

Надо бы доложить господину полицейскому надзирателю Федорову, чтобы обыск у сего «Набора» сделали непременно. Что это он все носит и носит? ...Доложили. Сделали. Всех в доме перепугали. Ничего не нашли.

4 Ноября 1913 г.
Выхода из дому, а также и из занятия с Типографией Сытина в течение дня замечено не было.

Веремчук
Ильин
Угаров II

Они — полицейские осведомители и поэт — существовали словно в разных мирах, нигде почти не соприкасавшихся. Мирах, в каждом из которых были свои законы, свои тревоги, своя жизнь. Конечно, Есенин мог, выглянув в окно или выйдя на улицу, встретиться взглядом с кем-нибудь из них. Да наверняка встречался! И они — ни на минуту не выпускавшие его из поля зрения, только о нем и думавшие, строившие всякие дикие предположения, — возможно, взгляд и не отводили...

Можно представить себе их росшее с каждым днем разочарование. Думали страшные козни раскрыть, а вместо этого, промерзнув до глубокой ночи на посту, приходилось всю информацию в одну строчку укладывать: ничего, дескать, «замечено не было».

● Сергей Есенин с отцом (слева) и дядей. 1912 год.

Увы, увы. Получай свои 65 коп. и ступай домой, а с утра, ни свет ни заря, на место. Вдруг что...

5 Ноября 1913 г.

В течение дня выхода и прихода на занятия а также с занятиями с Типографией Сытина замечено не было. В 9 час. 45 мин. вечер. вышел из дому с неизвестной барынькой. Дойдя до Вальной ул. постоял мин. 5 растались. «Набор» вернулся домой, а неизвестная барынька села в трамвай, на Смоленском бульваре слезла, пошла в дом Гиппиус с Дворцового Проезда, пошла в среднюю парадную красного флигера № 20 с Теплого пер. во дворе флигера правая сторона квар. в среднем парад. в низу на лево, где и оставлена; кличка будет ей «Доска».

Ильин
Веремчук
Угаров II

Барыньку со Смоленского бульвара звали Аня Изряднова. Она была корректором в той типографии, где работал юный поэт. Они были друзьями. Более чем друзьями. Ей он читал свои стихи, говорил о сокровенном. Может быть, это был единственный человек, которому он мог до конца открыться. Гриша Панфилов далеко, ему надо письма писать. А с Аней и ее сестрами он подолгу спорил о революции, о стачках, о поэзии — Блоке, Бальмонте. Ей он предложил стать его женой.

Напрасно проездили 45 копеек на трамваях Ильин с Веремчуком. Они ничего не смогли доложить начальству о «Доске». Как не вмещалось в строчку донесения слово «поэзия», так и немисливо было в ней слово «любовь»...

6 Ноября 1913

На обед а также обеда выхода и прихода в Типографию Сытина по Вальной ул. не было, а в 6 час. вечера вышел с работы из Типографии Сытина по Вальной ул. и вернулся домой.

Более выхода из дома замечено не было.

Ильин
Слизиков
Угаров II

7 Ноября 1913

В 2 ч. дня вышел из дому, пошел на работу в Типографию Сытина по Вальной ул. В 6 часов вечера сработы небыл взят а в 9 часов вечера пришел домой, более выхода не видели до 10 часов вечера.

Ильин
Слизиков

Ай-ай-ай, ускользнул-таки. Проворонили. А что делал между выходом с работы и девятью часами вечера? Не знаю, последовала ли выволочка, но гонорар был получен. Кстати, за время наблюдения Есенин, сам того не ведая, ввел полицейскую часть в расход на 20 рублей 30 копеек.

Поэт не знал этого. Он писал стихи. И говорил Ане, что будет самым известным поэтом на Руси. «Доска», не подозревая, что она «Доска», твердо знала другое: он будет-таки первым поэтом.

Шпики шпионили. Поэт писал. Каждый занимался своим делом.

Дорогой Гриша!

Извини, что запоздал ответом. Я все дожидался, чтобы послать тебе вырезку из газеты со своим стихотворением, но оказывается, это еще немного продолжится. Пришло письмо.

Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно. Вот и все...

Читал ли ты роман Ропшина «То, чего не было» из эпохи 5 годов. Очень замечательная вещь.

Вот где наяву необузданное мальчишество революционеров 5 года. Да, Гриша, все-таки они отодвинули свободу лет на 20 назад. Но бис с ними, пусть им себе галушки с маком кушают на этом свете. Пока больше не знаю, что писать.

Любящий тебя

Сергея.

А через месяц, когда полицейский надзор был уже снят, в первом за 1914 год номере журнала «Мирок» появилось стихотворение поэта, скрывшегося под псевдонимом «Аристон»:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой...

Это было первое печатное выступление Сергея Есенина. Спустя месяц умер от чахотки Гриша Панфилов...

Это письмо восемнадцатилетний Есенин написал школьному другу — Грише Панфилову. Юный поэт вернулся домой с работы, из типографии Сытина, возбужденный: арестовано несколько товарищей — участников стачки, другим грозила высылка из Москвы. Типография бурлила. Водоворот революционных событий, романтика борьбы захватили юношу.

Есенин не знал, что как раз в те дни из Московского охранного отделения полицейскому надзирателю 2-го участка Пятницкой части поступило распоряжение: установить негласное наблюдение за «Есениным Сергеем Александровичем», в числе пятидесяти сознательных рабочих Замоскворечья поставившим свою подпись под письмом, направленным против ликвидаторов, в поддержку позиции газеты «Правда».

В запросе на Есенина указывалось: «Лета и звание — Кр. 16 л.», то есть крестьянин 16 лет (полицейский надзиратель исправил: «19 л.», но и это было неправильно). «Губерния — Рязань». «Волость — Кузьминской». «Деревня — с. Константинова». «Вероисповедание — Пр.». «Род занятий — типография у Сытина, конторщик». Есенин работал не конторщиком, а подчитчиком, т. е. помощником корректора, но это, видимо, было слишком сложно для полицейского понимания. «Прежнее местожительство — родина», «Новое местожительство и время прибытия — 18 авг. 1912 г. Пятницкой ч. 2 уч. д. № 24 Крылова по Строченовскому переулку».

Наблюдение было установлено 1 ноября 1913 года. Наблюдаемому полагалось дать кличку. Полицейский надзиратель, приведший агентов к деревянному двухэтажному дому по Строченовскому переулку, почесав в затылке, предложил: «Набор».

1 Ноября 1913 г.

Сведение.

«Набор» взятый по указанию пол. надзирателя Федорова проживает в доме № 24 по Б. Строченовскому переулку.

В 8 ч. 15 м. утра вышел из дома пошел в Типографию Сытина с Вальной ул. Выхода из Типографии замечено не было, а в 8 ч. вечера вышел из дома раздевшись и пошел в Ресторан «Древность» по Строченовскому пер. Пробыл 30 м. Вышел и вернулся домой. Более до 11 час. вечера не видели.

пол. надз. Федоров
Веремчук
Грязнов
Угаров II

Придя домой из типографии, Есенин по-долго сидел за столом.

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой...

Строки неказистые, но искренние. Юноша смутно представлял себе, какой она должна быть, эта зоря огневая. Расплывчатым получался и образ погибшего борца за народное счастье.

Можно себе представить, как возликовал бы юный поэт, узнай он, что под его окном неусыпно дежурят сыщики. И не один — а целых три! Какая буря поднялась бы у него в душе, какой гордостью наполнилось бы сердце! Но он не знал этого. И никогда уже не узнал.

Тайные службы на то и тайные...

2 Ноября 1913 г.

«Набор» проживает в доме № 24 по Б. Строченовскому пер.

Во всех цитируемых документах сохраняется орфография и пунктуация подлинников.